

Л. Н. ХАХОВСКАЯ

ЧАУНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ БАЗА СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Автор освещает деятельность Чаунской культурной базы (культбазы), работавшей на Чукотке в 1933–1940 гг. Автор рассматривает теоретические основания проекта культурных баз. Идея проекта опиралась на народнические взгляды этнографов и чиновников Комитета Севера и имела комплексную гуманитарную направленность. На примере работы Чаунской культбазы автор показывает практическую реализацию проекта, вскрывает причины его неэффективности. Автор делает вывод, что культбазы Севера оказались в ситуации двойного зажима. С одной стороны, они испытывали давление повседневной реальности, которая не совпала с первоначальными представлениями и планами. С другой стороны, местные органы власти оказывали сильный нажим на культбазы, контролировали их работу и навязывали свою политическую линию. Основную критику вызывала неспособность культбазы активно проводить коллективизацию оленеводов.

Ключевые слова: Чукотка, Чаунская культурная база, Усть-Чаун, Комитет Севера, советская модернизация, аборигены, кочевые школы, товарищества, коллективизация

Стратегия включения северных территорий в общесоветское пространство в первые десятилетия советской власти допускала существование вариативных проектов. Деятельность Чаунской культурной базы, существовавшей в Чукотском национальном округе с 1933 по 1940 гг., представляет собой реализацию одного из направлений советской модернизации жизненного уклада чукотских аборигенов. Идея культурных баз родилась из симбиоза теоретических и организационно-практических подходов к социалистическому преобразованию северных окраин, а в их работе отразились основные коллизии первоначальной советизации коренных народов, столкновение интересов ведомственных структур и ветвей власти, социальных и этнических групп, отдельных людей. На примере Чаунской культбазы можно говорить о тех общих причинах неэффективности «культбазовского проекта освоения Севера.

Освещение истории северных культурных баз нельзя признать удовлетворительным. В советской историографии авторы педалировали значение культбаз в становлении современной Чукотки и ничего не говорили о трудностях и негативном опыте¹. В современной литературе чукотские культбазы лишь упоминаются в контексте иной тематики², оставаясь белым пятном. Выявленные нами архивные документы позволяют проследить перипетии функционирования Чаунской культур-

¹ История Чукотки... 1989; Фетисов 1958; 1969.

² Слезкин 2008; Талызин 2008.

ной базы, определить ее место в общем потоке советских реформ, показать разные стороны жизни связанных с культбазой людей.

Модернизация традиционного уклада чукотских аборигенов предусматривала создание советских и партийных органов, устроенных по административно-территориальному принципу. Партийная сеть пронизывала все предприятия и учреждения региона, т.е. обладала гораздо более мощной и разветвленной структурой, позволявшей осуществлять тотальный контроль. Одновременно в отдельных местностях Чукотки появились организации, которые в общей институциональной архитектуре занимали особое место – культурные базы. Идеологической подоплекой проекта создания северных культурных баз был романтический пафос революционного преобразования окружающей действительности, свойственный большевистской платформе: в проекте прослеживаются неявные утопические представления об идеальном устройстве некоторого ограниченного сообщества, которое могло бы служить примером желаемого будущего. В более широком антропологическом контексте эти представления опирались на сильную народническую традицию культивировать образ отсталого, но добродетельного «туземца», который должен пойти навстречу искренним стремлениям помочь ему избавиться от «отсталости»³.

Решение осваивать окраинные регионы с помощью культурных баз принимал Комитет Севера, положив в основу их деятельности принцип комплексности. Культбазы должны были заниматься всеми сторонами жизни аборигенов – учить, лечить, поднимать экономику и уровень жизни. Отсюда вытекала установка на самодостаточность и самостоятельность, а также максимальную локальную и социальную приближенность к местному населению. Культбазам поэтому предписывалось начинать работу с «чистого листа», дистанцируясь от уже созданных структур власти. Так, одна из первых в стране Чукотская (Лаврентьевская) культбаза обосновалась не в Уэлене, административном центре Чукотского района и самом крупном на тот момент населенном пункте, а в почти безлюдном месте залива Лаврентия⁴. То же самое произошло при организации культбазы в Чаунском районе Чукотки. Ко времени основания Чаунской культурной базы (лето 1933 г.), уже существовал пос. Певек, ставший административным центром вновь образованного района. Певек находился на одноименном мысе северо-восточной оконечности Чаунской губы, в удобном месте: сюда могли причаливать крупнотоннажные морские суда. Имущество культбазы, выгруженное в Певеке, должно было отправиться дальше, в то место, где ее предстояло возвести. Предписание быть ближе к местно-

³ Скачко, 1934. № 6. С. 6-9; Терлецкий, 1935. № 1. С. 36-47.

⁴ Хаховская, 2012. С. 169, 170.

му населению натолкнулось, однако, на два препятствия, одно из которых оказалось преодолимым, хотя и с большими трудностями, а второе неустранимым в силу объективных обстоятельств.

Первое препятствие заключалось в несоответствии первоначальной локализации культбазы разработанным Комитетом Севера планам. Согласно плану, ей полагалось находиться в устье реки Чаун, в 120 км от Певека. Однако по какой-то причине (возможно, из-за отсутствия транспорта) первый начальник культбазы, Михаил Гаврилович Аристов, принял решение обустроиваться прямо в Певеке. Собранные здесь круглые домики (системы инженера Свинына) были отведены под школу, медпункт, клуб, Дом туземца, столовую и дома для персонала. Утверждение о том, что «...в 1933 году Чаунская культбаза уже развернула свою хозяйственную и культурную работу среди кочевых чукчей»⁵, не соответствует действительности – в районе мыса Певек чукчи не кочевали, культбаза обслуживала преимущественно приезжее население, которое нуждалось в первую очередь в медицинской помощи. Поэтому работа двух культбазовских врачей крайне слабо охватывала аборигенов: «медобслуживание велось только в районе береговой полосы, тогда как кочевье в основном оставалось неохваченным и было предоставлено шаманам»⁶. Местные жители были настолько редкими пациентами, что «большим событием для больницы [по факту – амбулатория] было в 1934 г. принятие родов от одной чукчанки»⁷.

Нахождение культбазы на Певеке не устраивало центральное руководство, поэтому второй ее начальник, Александр Иванович Романов, в августе 1935 г. прибыл из Москвы с твердым указанием немедленно передислоцировать людей и жилища, что и осуществил в крайне сжатые сроки и с большим напряжением сил всех культбазовских сотрудников. В этот год штат составлял всего 17 работников (из них 2 чукчей), на плечи которых и легли все тяготы по переезду. Ударные темпы, заданные Романовым, повлекли за собой острую критику в его адрес со стороны персонала. Квалифицированные сотрудники вынужденно занимались тяжелым физическим трудом, и не все были к этому готовы: «Кроме учителей, разосланных по тундре, [такие] работники, как зоотехник и ветфельдшер, сидят на культбазе и занимаются не по своей специальности, ...а кладут печи, режут и носят дерн»⁸. Положение усугублялось авторитарным стилем руководства Романова, пренебрегавшего, как считали культбазовцы, их правами и профессионализмом. Глашатаями критики в то время выступили медики, которые не

⁵ Фетисов, 1969.

⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Л. 9об.

⁷ Фетисов, 1958.

⁸ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Л. 61об.

были настроены на переезд в Усть-Чаун, а хотели бы остаться в Певеке. Позднее, когда Романов впал в немилость у районных руководителей, ему припомнили это «нечеловеческое» отношение «к сотрудникам культбазы, врачам Волошинову, Викторовой»⁹.

После обоснования культбазы на новом месте очевидным стало и второе препятствие – в окрестностях Усть-Чауна аборигенное население отсутствовало. В то время его основную массу составляли кочевники: по данным 1935 г., их в районе насчитывалось 1125 чел., тогда как оседлых 451 чел., из них приезжих 156¹⁰. Оседлые жители распределялись по 12 малонаселенным береговым пунктам, самым крупным из них был Певек, а кочевники находились в постоянном движении, так что какого-либо центра тяготения аборигенов в районе не существовало. Стать таким центром не смогла и культбаза – это не отвечало интересам ни аборигенов-кочевников, ни руководителей района. Чукчи-оленьеводы не очень охотно прикочевывали в Усть-Чаун, они утверждали: «Место культбазы мертвое – там редко бывают чукчи»¹¹.

Руководители региона, находившиеся в Певеке, небезосновательно считали центром именно этот населенный пункт, а культбазу старались поставить под контроль, придав ей значение одного из проводников партийной и советской работы, а не самостоятельной структуры. Вероятно, по договоренности с районным начальством, культбаза стала действовать на территории трех наиболее близких к ней национальных советов¹²: Усть-Чаунского, Ичуньского и Эльвунейского. Культбазовцы организовали в этих нацсоветах кочевые школы, товарищества по совместному выпасу оленей и промыслам, развернули деятельность Красной Яранги. В самом Усть-Чауне открылась стационарная школа с интернатом, амбулатория, Дом туземца, мастерские, клуб, зоо- и ветпункты, питомник собак. В 1935 г. персонал культбазы был еще небольшим – 19 чел., в т.ч. трое чукчей¹³, штат был заполнен менее чем наполовину, не хватало многих специалистов.

Характер работы сотрудников, особенно учителей кочевых школ, во многом совпадал с образом жизни аборигенов: «педагогический состав ...находится в чрезвычайно тяжелых материальных условиях. Не имеют постоянного полога, где бы можно вести занятия. Например, учитель Ичуньского нацсовета Ганич ведет занятия где представится возможность, то в пологе, то на открытом воздухе – это зимой»¹⁴. Как писал современник, кочевая жизнь чаунских чукчей «мало

⁹ Там же. Д. 14а. Л. 15.

¹⁰ Там же. Д. 10а. Л. 11.

¹¹ Там же. Д. 10. Л. 86.

¹² Всего в районе было 14 нацсоветов (ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 12).

¹³ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Л. 9.

¹⁴ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Л. 9об.

способствует учению: чуть напьются чаю, полог убирается, и можно учиться лишь на морозе, где-нибудь у стада или в дыму костра в яранге. А вечером, когда расставят полог, опять пьют чай, едят и ложатся спать»¹⁵. Несмотря на самоотверженный труд, достижения кочевых школ были скромными: одновременно от Чаунской культбазы действовали 2-3 школы, каждая из них охватывала своим влиянием лишь одно из многочисленных стойбищ, а обучалось всего несколько детей.

Основные культбазой три оленеводческих и промысловое товарищества представляли собой формальные, неустойчивые структуры: они легко распадались, как только из тундры уезжали их организаторы. Районная власть требовала от культбазы постоянного присутствия при товариществах, но добиться этого не могла: культбазой «допущены грубые ошибки в том, что не выполняли решения райкома ВКП(б), решения райисполкома в части закрепления конкретных людей за товариществами в Усть-Чаунском и Эльвунейском нацсоветах, серьезно не хотели помогать товариществам и эти товарищества раскочевались. Товарищество на Редкучи, в десяти километрах от культбазы, тоже развалилось – летом лов рыбы провален, также пушизаготовки»¹⁶.

Не все сотрудники культбазы разделяли уверенность в возможности быстро перестроить местную экономику и быт на социалистический лад. Весной 1934 г. случился конфликт между И.С. Вдовиным и И.С. Архинчевым¹⁷. По словам Архинчева, «Вдовин везде и всюду в тундре не желал работать и большие того, он подпевал кулакам, в переводах меня обманывал, говорил не то, что говорят чукчи. Школу можно было организовать кочевую, но Вдовин не хотел, заявлял мне, что он не учитель и школы не организовал. <...> Вдовин о коллективизации выступил против – говорит, что это вам не береговые, а кочевники. По коллективизации не хочет вести работу, а рассказывает старые сказки чукчам. Процесс коллективизации я хотел бы проследить до конца, но с Вдовиным я останусь с разбитым корытом»¹⁸.

Сомнение в возможности проводить коллективизацию в Чаунском районе, с преобладанием кочевых, а не береговых хозяйств, высказал ветеринарный фельдшер культбазы И.Д. Тихоненко. Это мнение у него сложилось на основе опыта работы в гораздо более советизированном Чукотском районе. Взгляды Тихоненко подверглись критике как «правооппортунистические теории»¹⁹, и не были приняты во внимание.

¹⁵ Обручев, 1974. С. 41.

¹⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 13а. Л. 69.

¹⁷ Архинчев проработал на культбазе два года (с 1933 по 1935), Вдовин – около года (1933/1934). Оба они впоследствии внесли большой вклад в развитие этнографического североведения.

¹⁸ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 54, 55.

¹⁹ Там же. Л. 204; Д. 14а. Л. 15.

Вопреки нацеленности на аборигенное население, работа большей части культбазовцев протекала все же не в тундре, а в Усть-Чауне, что шло вразрез с их должностными обязанностями и самим смыслом пребывания на Севере: *«Вместо того, чтобы быть ветфельдшеру и зоотехнику на месте в стойбище, там, где творятся живые дела, где выращивается оленеводство, они едут в устье Чауна, где летом нет близко оленей и там занимаются другими работами»*²⁰. Безвыездно на культбазе находились также врач, краевед и другие сотрудники. Помимо ущерба основной задаче, постоянное проживание на культбазе имело негативные последствия морального плана для самого коллектива. Исходный посыл Комитета Севера основывался на установлении патерналистских и дружественных взаимодействий культбазовцев с аборигенами, при этом сами культбазы должны были стать для последних образцово-показательными социальными и производственными учреждениями, центрами распространения цивилизации²¹.

Действительность оказалась иной. Основной персонал культбазы набирался в Москве и Владивостоке по договору на два года, люди рассматривали Усть-Чаун как место временного пребывания, их мотивацией чаще всего была возможность накопить денег. Не все смогли выдержать суровость северного климата, трудности зимовки, бытовую неустроенность, моральные тяготы пребывания в маленьком замкнутом коллективе. В итоге уже к зиме 1935/1936 гг. сложилась непростая психологическая атмосфера: культбазовцы увязали в повседневных проблемах и внутренних склоках. Не способствовало нормализации обстановки поведение начальника культбазы Романова, который, с одной стороны, проявлял определенную независимость от районных органов власти, нежелание выполнять их распоряжения; а с другой, бывал высокомерным и даже грубым с подчиненными и аборигенами. Сложилось противостояние между начальником и коллективом: *«Отношение Романова к врачам Волошинову и Викторовой за последнее время стали прямо издевательским и безобразным. Врачи форменно третироваются»; «...мы испытали издеательства Романова, поэтому против него выступали»*²². Романов и сам признавал внутренние проблемы, отвлекавшие культбазовцев от основной задачи: *«Совершенно верно, что культбаза не работала, а занималась сама собой, сейчас наша задача в том, чтобы повернуть культбазу к [местному] населению»*²³.

Фрондерство и заносчивость Романова, по всей видимости, происходили из осознания значимости собственных полномочий, полученных

²⁰ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 205.

²¹ Слезкин, 2008. С. 182.

²² ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Л. 82; Д. 14а. Л. 18.

²³ Там же. Д. 10. Л. 85.

из рук такой авторитетной структуры, как Комитет Севера, в первые годы существования имевшей значительные властные прерогативы на подведомственных территориях. Но Комитет Севера быстро утрачивал свое влияние. После его ликвидации в 1935 г. чукотские культурные базы перешли в подчинение Главного управления северного морского пути (Главсевморпуть, или ГУСМП). Это была мощная, хорошо обеспеченная ресурсами государственная корпорация, которая также придерживалась курса на независимость от местной власти и подогревала такие настроения у своих сотрудников. Однако в финансово-материальном плане культбазы для ГУСМП были, что называется, нелюбимое дитя, и результат такого отношения не замедлил сказаться.

Романов не сумел найти подход к аборигенному населению, более того, не искал его: за двухлетний срок пребывания на посту начальника ни разу не выезжал в стойбища чукчей, не посещал яранги кочевников, да и на культбазе, видимо, мало контактировал с ними. В свою очередь, местные жители его недолго любили, а аборигены-активисты обвиняли в нежелании «помогать чукчам»: *«Романов 17 лет в партии, а работает плохо, вот Аристов все время помогал, ездил в тундру, а Романов не хочет помогать, а только обманывает, сидит с женой вместе на культбазе, никуда не выезжает. Романов не хочет так работать, как говорил Ленин»; «Романов не помогает и чукчи говорят, что Романов плохой человек. <...> Нам нужны моторы, а их нам не дали – все культбаза забрала»; «Романов много говорил о помощи нам, но ничего не делает, он ни разу у нас не был и не знает, как мы живем»²⁴. Возникшая неприязнь с особой силой выплеснулась после трагедии с учениками культбазовской школы-интерната: *«26 марта 1936 г. замерзли два ученика из чукоч²⁵, это привело к дальнейшему ухудшению отношения со стороны местного чукотского населения к культбазе и особенно к ее директору Романову»; «...вокруг этого вопроса создалось напряженное политическое настроение среди местных жителей, <...> уже имеется случай резкого выступления против культбазы»²⁶.**

Гармоничные взаимоотношения между культбазой и коренными жителями не складывались, поскольку аборигены вовсе не приветствовали вторжение в их привычную жизнь. Сильное раздражение кочевников вызывала школьная работа культбазовцев. С самых первых шагов культбазе пришлось столкнуться с трудностями набора учеников, особенно в стационарную школу, так как чукчи крайне неохотно отпускали детей, не желая разлуки и потери рабочих рук в хозяйстве, высказывая даже такое мнение: *«...в школу надо брать таких, кото-*

²⁴ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 199; Д. 10. Л. 86; Д. 19. Л. 30.

²⁵ В цитатах сохранена орфография источников.

²⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 1а. Л. 229, 230.

рые не хотят работать в стаде»²⁷. Культбазовцы действовали методом кнута и пряника, оказывая нажим на аборигенов, в особенности активистов, и, одновременно, суля большие перспективы для тех, кто пройдет курс обучения. Кое-кто соглашался добровольно, некоторых детей забирали в школу насильно, невзирая на нежелание родителей. Для самих учеников пребывание на культбазе было довольно тягостным, они скучали по родным, по знакомой обстановке и привычной пище, иногда они решались на побег. Один из таких побегов и закончился трагедией – при переходе реки по льду трое беглецов провалились в полыньи, вымокли, двое из них (мальчик и девочка) замерзли от переохлаждения, второй девочке удалось выжить.

После чрезвычайного происшествия накал негодования чукчей в адрес Романова резко повысился, один из активистов, Рынтгыргин, даже пригрозил: *«...если к чукчам будешь так грубо относиться, то спустим [тебя] под лед»*. Отношение чукчей к этой трагической утрате основывалось на традиционных нормах, когда за смерть родственника-мужчины полагалось мстить, а гибель женщины можно было искупить материальным возмещением. Последнее требование и выдвинул чукча Етылин: *«Погибшая моя дочка уже хорошо умела писать и, если бы она еще поучилась, она была бы сильным человеком. Она зарабатывала бы и поддерживала бы меня, я старик, не могу работать и требую оплаты за погибшую дочь 5000 рублей и продуктов»²⁸.*

Районная власть, опознав это заявление именно как традиционный социальный институт, не могла поддержать считавшийся вредным пережиток: *«Делать такое требование, как предьявляет Етылин, нельзя – это равносильно торгашеству. <...> По старым чукотским традициям это так, но ведь мы с вами люди новые, советские, колхозные и поэтому давайте и вопросы разрешать по-колхозному, по-советски»²⁹*. Как вариант урегулирования конфликта власти предложили другую формулировку – оказание единовременной материальной помощи.

Районные власти вменили Романову в вину неподчинение своей «юрисдикции»: *«Романов... начал натравливать своих подчиненных против райисполкома, заявляя, что культбаза никаким местным властям не подчиняется»; «Романов... допустил ряд грубых ошибок и всячески старался работать в одиночку, а подчиняться только Москве, у него очень плохие взаимоотношения с местным коренным населением»³⁰*. Районные руководители обвиняли Романова в том, что он *«игнорировал решения райкома, райисполкома, пленумов райисполкома,*

²⁷ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Л. 85.

²⁸ Там же. Л. 85, Л. 86.

²⁹ Там же. Л. 84.

³⁰ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 19. Л. 2, 22.

съездов советов района»; «Романовым создано настроение игнорирования райорганизаций, то есть непризнание райисполкома»; «Сейчас надо довести до сведения политотдела, чтобы Романова ни в коем случае не оставлять здесь, как не имеющего авторитета у местного населения и игнорирующего районные организации»³¹.

В целях окончательной дискредитации Романова ему попытались приписать аморальную связь с чукчанкой Кергытваль, и лишь после длительного разбирательства была доказана необоснованность обвинений³². После окончания срока договора Романов счел за лучшее уехать с Севера, передав бразды правления Петру Ефимовичу Пашко.

Коллектив обновлялся каждые два года: осенью новый состав прибывал, а старый уезжал на том же пароходе. Мало кто из оставался в районе на более долгий срок, но и они переходили в другие организации (М.Г. Аристов, И.С. Архинчеев, И.Д. Тихоненко). Из-за этого отсутствовала преемственность в работе, местные жители не успевали привыкнуть к новым работникам, постоянно не хватало специалистов. А настойчивые призывы «коренизировать» аппарат в эти годы оставались лишь призывами, поскольку местных жителей использовали только на работах, не требующих высокой квалификации, например, в качестве пастухов, каюров, уборщиц, санитарок.

Осенью 1937 г. прибыл многочисленный состав культбазовцев: 41 работник, шесть членов их семей, четверо детей. Культбазе была придано Чаунское отделение фактории (пять работников, два члена семьи, трое детей), развернувшее торговлю с местными жителями³³. Ситуация в поселке нормализовалась, больше внимания стали обращать не на внутренние дела, а на работу с аборигенами. Зимой 1937/1938 гг. открылся обновленный Дом народов Севера (ДНС), представлявший собой клуб и общежитие для кочевников в одном здании, где проходили массовые и индивидуальные беседы, спектакли, вечера самодеятельности, сеансы кино³⁴. Культбаза устраивала для кочевников торжественные мероприятия в дни советских праздников, ярмарки с традиционными соревнованиями. Продолжили работу кочевые школы и Красная Яранга, функционировала стационарная школа-интернат и ликбез при ней – для обучения взрослых аборигенов. В свою очередь, всех сотрудников культбазы и фактории обязали изучать чукотский язык, был открыт кружок из двух групп: «пониженная для новичков, повышенная для уже искушенных в чукотской речи»³⁵.

³¹ Там же. Д. 14а. Л. 15, 17об, 18.

³² Там же. Д. 10. Л. 48.

³³ Там же. Д. 15. Л. 2.

³⁴ Там же. Д. 18а. Л. 31.

³⁵ Там же. Д. 15. Л. 11.

Попытки Романова проявлять независимость не остались без последствий. В штате культбазы появилась должность идеологического работника – помполита, шло активное дисциплинирование сотрудников по партийной и комсомольской линии, обязательным стало участие в работе кружков политической направленности. Таким путем персонал был полностью подчинен районной власти. Директор Шашко откредитился от романовского фрондерства: *«Увязка с местными райорганизациями в нашей работе быть должна, иначе я и не мыслю своей дальнейшей работы»*³⁶. А рядовые работники были больше озабочены повседневной жизнью, которая на культбазе не становилась легче.

Осенью 1938 г., спустя пять лет после основания, выяснилось, что *«Чаунская культбаза ГУСМП на сегодняшний день находится в крайне неудовлетворительном состоянии и своих задач по культурно-политическому воспитанию, по производственной организации [коллектива] и особенно кочевников чукок выполнять не может. <...> в настоящее время культбаза не только не соответствует своему назначению, но и является ее противоположностью»*. В отчете Чаунского районного комитета ВКП(б) описывается это состояние: *«Жилой фонд культбазы представляет собой группу маленьких (40 кв.м) домиков и яранг, по своему внешнему виду и внутреннему содержанию равняющихся на примитивные яранги кочевников. С течением времени эти домики обросли микроскопическими пристройками из старых ящичков, из брезента, из плавника, ...эти десятки раз заплатаанные, надставленные строения культбазы напоминают становища потерпевших кораблекрушение, грязный холодный цыганский табор, но не поселок важнейшего культурного учреждения для народов Севера. <...> Штатный состав культбазы с большими неудобствами, в тесноте, в холоде, с трудом размещающийся в этих шалашах, вынужден заботиться больше о приспособлении к этим первобытным условиям существования, нежели о работе, к которой они призваны на культбазе»*³⁷.

К началу 1939 г. на культбазе осталось 28 сотрудников из 43-х необходимых по штату. Районные власти утверждали, что с «материка» на культбазу продолжают засылать людей *«политически непроверенных, ...рвачей-хулиганов, ...пьяниц-склочников, ...больных»* и просто *«необеспечивающих работу»*. Некоторые культбазовцы оказались носителями венерических заболеваний³⁸. Эти люди, по мнению партийных работников, вербовались на Север по порочному принципу *«числом поболе, ценою подешевле»*. *Приезжающие на работу на культбазу сотрудники <...> справедливо считают себя обманутыми, так как полу-*

³⁶ ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 14а. Л. 26об.

³⁷ Там же. Д. 18а. Л. 9.

³⁸ Там же. Д. 23а. Л. 14.

чаемая зарплата в ряде случаев ниже прожиточного минимума, только по питанию, не говоря об удовлетворении прочих человеческих потребностей. Работники культбазы не пользуются теми правами, которые относятся ко всем прочим полярникам <...>. Вместе с этой материальной необеспеченностью, бытовая неустроенность, отдаленность и оторванность от внешнего мира действует на приезжающих удручающе, отсюда неудовлетворительная трудовая дисциплина, никто не заинтересован в своей работе и считает за лучшее увольнение и переход в другую организацию»³⁹.

Результирующее заключение было таково: «Культбаза в существующем виде не может иметь авторитета у местного населения и не в состоянии выполнять свои задачи». Вину за плачевное состояние дел руководители района возлагали на «преступное руководство политуправления ГУСМП», которое допустило «содержание культбазы на нищенском уровне ее материальной и производственной базы»⁴⁰. Действительно, в масштабной деятельности Главсевморпути, нацеленной на изучение и освоение северных богатств, культбазы, это детище Комитета Севера, не играли сколько-нибудь заметной роли. Скорее, их воспринимали как обременительное наследие, «ненормальный» способ работы, тогда как ГУСМП намеревался «идти по нормальному пути развития отдельно школьного и лечебного строительства»⁴¹. Таким образом, комплексность – сильная, по убеждению деятелей Комитета Севера, сторона «культбазовского» направления – в глазах руководителей новой структуры выглядела слабостью, тормозом в работе.

К тому времени романтизм и народническая идеализация образа «туземца» уже давно уступили место прагматизму, стремлению к быстрой реализации планов, получению осязаемой отдачи от освоения Севера. Необходимо было формировать аграрный сектор северной экономики, для чего требовалось активизировать усилия по коллективизации оленеводов, большинство которых оставались единоличниками на всей территории Чукотки.

Деятельность Шашко на посту начальника культбазы районными властями была оценена выше, чем его предшественника: «Имеются положительные сдвиги в работе среди национального населения ...если ранее были единичные случаи посещения националами культбазы, то за 1938 год через ДНС обслужено националов всего 433 чел., из них обеспечено ночлегами 350 чел. По школе-интернату в первое полугодие [1937/1938] охвачено 3 классами 24 чел. и две кочевые школы [охватили] 10 чел. За второе полугодие по школе-интернату <...> был 21 уче-

³⁹ Там же. Д. 18а. Л. 10.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Слезкин, 2008. С. 321.

ник, <...> охвачено [кочевыми] школами 19 чел.»⁴². В следующем учебном году на культбазе обучались 24 ученика, в стойбищах кочевников Ичуньского, Усть-Чаунского и Эльвунейского нацсоветов работали четыре кочевые школы с 30 учениками⁴³.

Но если в культурно-массовой и школьной работе имелись успехи, то в деле коллективизации культбаза топталась на месте, что не могло удовлетворить руководство района: «Культбаза не перестроила своей работы, не сделала для себя надлежащих выводов из решений Совнарком по работе ГУСМП в вопросе усиления работы в тундре. Культбаза не выполнила решений IV окружной партийной конференции о коллективизации, укреплению товариществ и ликвидации кулачества»⁴⁴. Эта «беззубость» культбазы обесценивала ее работу в контексте советской модернизации тундры в глазах органов власти, поскольку не отвечала проводимой в то время политике партийных органов.

В свое время деятели Комитета Севера отстаивали то направление переустройства жизни аборигенного населения, которое можно обозначить как гуманитарное: по их представлениям, коренных жителей необходимо было в первую очередь просвещать и лечить, а реконструкцию экономики проводить щадящими методами, опираясь на достижения науки и техники. Но культбазы, будучи отдельными точечными «вкраплениями» на огромных территориях, обладая крайне ограниченными финансовыми и людскими ресурсами не могли справиться с этой задачей, вследствие чего их существование оказалось под вопросом. Органы власти взяли курс на расформирование культбаз и передачу их учреждений соответствующим ведомствам. Руководство Главсевморпути тоже не стало биться за культбазы, и их судьба была решена.

Шашко уехал осенью 1939 г., четвертым и последним начальником культбазы стал Андрей Андреевич Щукин, он пробыл на этом посту менее года – в 1940 г. Чаунская культбаза прекратила свою работу.

Подводя итог, отметим, что основной порок всех культурных баз, размещенных на Крайнем Северо-Востоке, состоял в несоответствии реального характера их работы среди аборигенного населения тем задачам, ради которых они создавались. Идея этих задуманных Комитетом Севера институтов состояла в том, чтобы максимально приблизиться к «туземцам», действовать непосредственно в их массе, все усилия направлять именно на коренное население, преобразовывая их быт, культуру и экономику. Но практика оказалась иной: культбазы становились самодовлеющими структурами, работа которых замыкалась в основном на жителях того населенного пункта, где они были

⁴² ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 23а. Л. 13.

⁴³ Там же. Д. 21. Л. 14.

⁴⁴ Там же. Д. 23а. Л. 13.

построены, и оседлом населении близлежащих окрестностей. Жители отдаленных селений, и тем более кочевники, составлявшие основную массу чукотских аборигенов, сферой влияния культбаз охватывались слабо. Вскоре после основания, в т.ч. вследствие перемены ведомственной подчиненности, выявилась ограниченность ресурсов, которыми располагали культурные базы.

Культбазы на Севере оказывались в ситуации двойного зажима: с одной стороны, над ними довлела повседневная реальность, расходившаяся с первоначальными представлениями о характере работы среди аборигенов и взаимоотношений с ними. С другой стороны, сильный нажим осуществляли местные органы власти, заставляя культбазы проводить нужную им политическую линию.

Определявшая лицо культбаз первоначальная цель лечить и прощещать «туземцев», поднимать их хозяйство оказалась неэксклюзивной, так как эту же работу, к тому же гораздо более успешно, стали выполнять специализированные учреждения и ведомства. Комплексность, которая была декларируемым преимуществом и «визитной карточкой» культбаз, теперь играла против них: качественно выполнять все эти функции при ограниченности ресурсов и властных полномочий они не могли. В качестве «точек силы», независимых от местной власти, культбазы просуществовали крайне непродолжительное время, затем были оттеснены на задний план, а в итоге поглощены и растворены в общей конфигурации выстраиваемых властных иерархий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. П-355. Чаунский районный комитет КПСС. Оп. 4. Д. 1а. Протоколы партийных собраний и заседаний бюро Чаунского района и райкома ВКП(б). 10 августа 1933 г. – 7 сентября 1936 г. Л. 12, 54, 55, 199, 204, 205, 229, 230.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10. Материалы Чаунской культбазы за 1936 год. Л. 48, 61об, 82, 84-86.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 10а. Материалы проверки бригады Чукотского обкома и окружкома ВКП(б) за 1935-1936 гг. Л. 9, 9об., 11.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 13а. Протоколы собраний партийной организации Чаунского райисполкома за 1937 г. Л. 69.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 14а. Протоколы заседаний бюро Чаунского райкома ВКП(б) за 1937 г. Л. 15, 17об, 18, 26об.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 15. Отчет по Чаунской культбазе и отделению фактории за 1937-1938 гг. Л. 2, 11.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 18а. Протоколы заседаний бюро Чаунского райкома ВКП(б). 23 августа 1937 г. – 28 декабря 1938 г. Л. 9, 10, 31.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 19. Протоколы собраний Чаунского райкома ВКП(б). 21-23 марта 1937 г. Л. 2, 22, 30.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 21. Отчет Чаунской культбазы за 1938/1939 гг. Л. 14.
- ГАМО. Ф. П-355. Оп. 4. Д. 23а. Протоколы собраний Чаунского райкома ВКПб. Январь-декабрь 1939 г. Л. 13, 14.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. Н. Дикова. М.: Мысль, 1989. 492 с.

- Обручев С.В. По горам и тундрам Чукотки. Магадан: Книжное издательство, 1974. 208 с.
- Скачко А. Теория и практика в работе среди народов Севера // Советский Север. 1934. № 6. С. 6-9.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Талызин О.Г. Система народного образования Чукотского автономного округа в 1930–1991 гг.: исторический опыт / Диссертация ... к.и.н. Чебоксары, 2008. 216 с.
- Терлецкий П.Е. Культбазы Комитета Севера // Советский Север. 1935. № 1. С. 36-47.
- Фетисов А. Чаунская культбаза // Советская Чукотка. 1958. № 186. 29 Августа.
- Фетисов А. Чаунская культбаза // Советская Чукотка. 1969. № 290. 13 декабря.
- Хаховская Л.Н. Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168-182.

REFERENCES

- Fetisov A. Chaunskaja kul'tbaza // Sovetskaja Chukotka. 1958. № 186. 29 avgusta.
- Fetisov A. Chaunskaja kul'tbaza // Sovetskaja Chukotka. 1969. № 290. 13 dekabria.
- Storija Chukotki s drevneishikh vremen do nashikh dnei / Pod red. N. N. Dikova. M., 1989.
- Khakhovskaja L.N. Morskie zverboi Chukotki v period pervonachal'nykh sovetskikh reform // Etnograficheskoe obozrenie. 2012. № 6. S. 168-182.
- Obruchev S.V. Po goram i tundram Chukotki. Magadan, 1974.
- Skachko A. Teoriia i praktika v rabote sredi narodov Severa // Sovetskii Sever. 1934. № 6. S. 6-9.
- Slezkin Ju. Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa. Moscow, 2008.
- Talyzin O.G. Sistema narodnogo obrazovaniia Chukotskogo avtonomnogo okruga v 1930–1991 gg.: istoricheskii opyt / Dissertatsiia ... k.i.n. Cheboksary, 2008.
- Terletskii P.E. Kul'tbazy Komiteta Severa // Sovetskii Sever. 1935. № 1. S. 36-47.

Хаховская Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН, Магадан; hahovskaya@mail.ru, hahovskaya@gmail.com

Chaun cultural base: the Soviet project and its implementation

The author examines the activities of the Chaun cultural base (kultbaza), which operated in Chukotka in 1933–1940. The author considers the theoretical bases of the cultural bases project. The idea of the project was based on the populist views of ethnographers and officials of the North Committee and had a complex humanitarian focus. On the example of the work of Chaun cultural base, the author shows the practical implementation of the project, reveals the reasons for its inefficiency. The author concludes that the cultural bases in the North were in a situation of double clamping. On the one hand, they experienced the pressure of everyday reality, which did not coincide with the original ideas and plans. On the other hand, local administrations exerted strong pressure on the cultural bases, controlled their work and imposed their political line. Chain kultbaza could not actively collectivize reindeer herders, and therefore was heavily criticized.

Keywords: Chukotka, Chaun cultural base (kultbaza), Ust-Chaun, the North Committee, Soviet modernization, aborigines, nomadic schools, collective farms, collectivization

Lyudmila Khakhovskaya, PhD of Historical Sciences, Leading Researcher of North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n.a. N.A. Shilo, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Magadan, Russia; hahovskaya@gmail.com